

ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ В АССОЦИАЦИЯХ НОСИТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

А. А. Шарейко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ann.shareiko@mail.ru*

Анализ ассоциативных полей стимула *желтый* в словарях русского, белорусского, украинского языков отражает сходства представлений их носителей об идеале цвета, противопоставление с другими цветами, различия в ассоциировании носителей данных языков (влияние литературы, верований, традиций быта, социально-политических факторов). Обнаруженные различия обусловлены не только культурно-историческими, но и лингвистическими факторами. В целом, в трех исследованных языках обнаруживается ассоциативный универсализм, обусловленный исторической общностью восточнославянских языков, близким менталитетом и значительно пересекающимся культурным пространством, но с отклонениями, обусловленными национальной спецификой.

Ключевые слова: желтый цвет; ассоциативный эксперимент; русский язык; белорусский язык; украинский язык.

Изучение семантики цвета в любом языке и культуре традиционно рассматривается с точки зрения семасиологии, культурологии и этнолингвистики, а в последнее время проходит с активным участием психолингвистических методов. В докладе мы анализируем материалы свободных ассоциативных экспериментов со словом-стимулом *желтый* по данным «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю. Н. Караулова [1], «Асацыятыўнага слоўніка беларускай мовы» под ред. А. И. Титовой [2] и «Словаря ассоциативных норм украинского языка» под ред. Н. П. Бутенко [3].

С древних времен желтому цвету принадлежит особая роль в славянской культуре. Многие явления, с которыми человек соприкасался в повседневной жизни и окружающем мире, имели желтый или золотой оттенок. Символ жизни и света, *солнце* имело особые обряды поклонения и почитания у славянских народов: «Обожествление солнца выражалось, в частности, в том, что солнце называется ликом или оком бога, на него запрещается показывать пальцем и вставать спиной во время уборки урожая, наконец, как в Болгарии, прямо заявлять о его божественности. В Словении восход солнца встречают в молчании, сложа руки. По убеждению белорусов, солнце – это Божье огни-

ще... У южных славян было распространено коленопреклонение солнцу с вытянутыми к нему руками... Общеславянское и народное распространение имеет верование в танцующее или скачущее «от радости» солнце в некоторые праздничные утренние часы» [4, с. 159]. «Восход в Польше встречался обнажением головы и молитвой, текст которой был христианизирован, но иногда обращен к самому солнцу; точно так же поступали на Полесье и в Украине» [4, с. 158]. Метафора *желтый шар* служит для обозначения солнца, поэтому закономерно появление в анализируемых словарях реакции *шар*.

Ночью на смену солнцу на небе появляется *месяц* как пример круговорота дня и ночи: «Ночные светила: месяц и звезды, как обитатели небесного свода и представители священной для язычника светоносной стихии, были почитаемы в особенных божественных образах... Наравне с солнцем, в заговорах находим частые обращения и к звездам и к месяцу: «Месяц ты красный! звезды вы ясныя! солнышко ты привольное! сойдите и уймите раба божьего (от запоя)»; «месяц, ты месяц! сними мою зубную скорбь» [5, с. 21].

Главным источником силы был хлеб, муку для которого получали из зерна, отливающего блеском на солнце: «Залаты бляск нагадвае пражыта, хлеб, ураджай і уздымае ўспрыманне жоўтага колеру на новы ўзровень: ён робіцца сімвалам народнага багацця, дабрабыту, каларыстычным правобразам зямелькі-карміцелькі» [6, с. 62].

Ассоциации *лист* и *осень* можно объяснить цветом осенних листьев. Здесь желтый цвет является предвестником увядания природы. Также *лист* бумаги, которая желтеет спустя время, приобретает такой оттенок. Человек, читая книгу, непроизвольно запоминает пожелтевшие страницы: *Шуйский вытащил из рваной папки желтый лист гербовой бумаги с оттиском двуглавого орла, достал перо, поскоблил его сломанным ножичком и обмакнул в банку с йодом* (К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность).

Появление ответов с названиями *зеленого* и *красного* цветов обусловлено колористикой сигналов светофора, которые предшествуют появлению предупредительного желтого. «Желтый цвет четко выделяется на фоне всех темных тонов и предупреждает об опасности, угрожающей как спереди, так и сбоку. Переходы обозначают ярко-желтыми полосами» [7, с. 58]. Желто-синие цвета украинского флага послужили причиной появления ответа *блакитний* среди носителей украинского языка.

Неслучайно в русском языке существует прилагательное *лимонный* для обозначения ярко-желтого цвета. Этот цитрус пользуется большой популярностью, как и *апельсин*, и часто используется как элемент декора блюд. *Лимон* входит в состав расхожей метафоры *желтый как лимон* и употребляется для описания внешности китайцев (*Китаец – желтый, как лимон*. *Негр – чернее смолы* (В. П. Катаев. Белеет парус одинокий) и нездорового внешнего вида (*Он еще долго просидел на кровати, пугаясь биения своего сердца, жалкий и желтый, как лимон, вздрагивая коленями и даже слегка постукивая зубами* (А. Н. Будищев. Тень).

Если говорить об ассоциациях с животным миром, находим *матыля* с желтыми крыльями, а также *цыпленка* (*курая* в белорусском, *курача* в украинском) с желтым окрасом пуха и клюва. Данный факт отразился во фразеологизме *желторотый птенец*, обозначающем молодого и неопытного человека. Реакции *попугай* и *канарейка*, которые можно было бы предугадать на данный стимул, являются единичными.

Болезненный внешний вид мы замечаем по цвету лица человека, что объясняет реакцию *твар* в белорусском. Также это цвет лица умершего человека: *Усё ж яна не перастала час ад часу назіраць на жоўты твар нябожчыка* (З. Бядуля. Чараўнік). Польский лингвист Анджей Нарлох в своем исследовании «Цветовые обозначения в русском и польском языках» отмечает: «Колоративы ‘желточный’ и ‘желтушный’ этимологически восходят к слову ‘желтый’, однако в их основу легли разные мотивирующие образцы. Для первого цветовым образцом стал желток. Колоратив ‘желтушный’ имеет ограниченную сочетаемость и характеризует цвет кожи человека (лица) при заболеваниях печени и желчных путей (от названия болезни желтуха). Польские словари не регистрируют соответствующих эквивалентов» [8, с. 206].

Появление реакции *дом* восходит к разговорному названию психиатрических лечебниц в России. В XIX веке в Петербурге Обуховскую больницу для душевнобольных покрасили в желтый цвет (очевидно, успокаивающий), после чего все такие заведения имели желтые стены. Второй причиной ее появления может служить название картины Винсента Ван Гога «Желтый дом».

Еще одним ответом с отрицательной коннотацией выступает реакция *билет*. В дореволюционный период в Российской империи желтый билет был аналогом паспорта для девушек легкого поведения: *Она и желтый то билет получила, потому что мои же дети с голо-*

ду пропали, себя за нас продала! (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

Согласно данным ассоциативных словарей русского, белорусского и украинского языков, стимул *желтый* у славян соотносится как с *песком* на пляже, так и с *песком* как строительным материалом. Для белорусов эта реакция является реминисцентной и обусловлена рассказом В. Быкова «Жоўты пясочак» и одноименным фильмом.

Для записей и рисования часто используется графитовый *карандаш* с корпусом желтого цвета. Изначально чешская компания использовала этот цвет для привлечения внимания покупателей и создания «элитарного» образа. Традиция изготовления его в желтом цвете сохранилась и до нашего времени.

Желтые лепестки *тюльпана*, *хризантемы*, *розы* притягивают взгляд человека своей яркостью, особенно *одуванчики* и *подсолнечники*, занимающие целые поля и луга. Также в ответах белорусскоязычных реципиентов появляются фитонимы *агурок*, желтеющий при несвоевременном сборе урожая, и *гарбуз* (характерно и для украинского), желтый как снаружи, так и внутри. Если родители девушки не давали согласия парню, который пришел к ним свататься, то выносили тыкву, откуда берет начало фразеологизм *даць гарбуза*, т. е. отказать в сватстве.

«Желтый – солнечный свет, цвет хорошего настроения и веселья. Психологические опыты показали, что желтый цвет самый веселый. Это центр наибольшей светимости в спектре, стимулирующий зрение» [9, с. 69]. Свет ламп накаливания содержит не только все цвета солнечного спектра, но и *белый*, использующийся в больших цехах и для уличного освещения.

Значение желтого цвета как символа солнца и света оказалось универсальным для славянского мира. В литературе при описании внешности человека используются скорее негативные коннотации (*желтый как лимон*, *желторотый тенец*, *жоўты твар нябожчыка*). Общее прошлое объясняет появление реакций *дом* и *билет* как отражение социальных явлений XIX века на территории Российской империи. Отражение существенной для человека реальности обусловило появление зоонимов (*матиль*, *цыпленок*) и фитонимов (*тюльпан*, *хризантема*, *роза*, *одуванчик* и т. п.). Реакции-колоративы (*красный*, *зеленый*, *белый*) сходны в анализируемых языках, так как отражают близкие цвета спектра, но появляется и отличный *блакитный* в украинском.

В целом, в трех исследованных языках обнаруживается ассоциативный универсализм (совпадающие реакции *лист / ліст / лист, зеленый / зялёны / зелены, красный / чырвоны / червоний, лимон / лімон / лимон, солнце / сонца / сонце, цыпленок / кураня / курча, песок / пясок / пісок*), но с отклонениями на национальную специфику (*гарбуз* в украинском и белорусском – символ отказа жениху, *твар* в белорусском – описание умершего, *блакитный* у украинцев – отражение цветов знамени). Историческая общность восточнославянских языков, близкий менталитет и значительно пересекающееся культурное пространство – вот основа такого универсализма в лексическом ассоциировании.

Библиографические ссылки

1. Русский ассоциативный словарь : [В 2 т.] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. М. : АСТ, Астрель, 2002.
2. Цітова А. І. Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы. М. : Выд-ва БДУ, 1981.
3. Бутенко Н. П. Словарь ассоциативных норм украинского языка. Львов : Вища школа. Изд-во при Львов. ун-те, 1979.
4. Гейштор А. Мифология славян. М. : Весь мир, 2014.
5. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : Справ.-библиогр. материалы / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. М. : Индрик, 2000.
6. Горавя Г. Радасць і дабрабыт: семантыка жоўтага колеру ў творах беларускага станковага жывапісу ХХ ст. : пераклад з рускай мовы // Роднае слова : штомесячны навуковы і метадычны часопіс / заснавальнікі: Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, ГА "Саюз пісьменнікаў Беларусі". 2007. № 12. С. 62–64.
7. Фрилинг Г. Человек – цвет – пространство: Прикл. цветопсихология / сокр. пер. с нем. О. В. Гавалова. М. : Стройиздат, 1973.
8. Narloch A. Цветообозначения в русском и польском языках : структурно-семантический, терминологический и когнитивный аспекты. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2013. Seria "Filologia rosyjska". № 41.
9. Дерибере М. Цвет в деятельности человека / сокр. пер. с франц. А. М. Григорьева. [Предисл. А. Щипанова]. М. : Стройиздат, 1964.